

В. П. МЕЩЕРСКИЙ

Либеральное тихое безумие (Заметка)

В последнее время часто слышится мнение, что слова «либеральный» и «консервативный» у нас не имеют значения, что при отсутствии у нас партий эти определения потеряли всякий смысл. Слышится такое мнение с обеих сторон и, тем не менее, обе стороны продолжают употреблять эти определения, что доказывает их жизненность и соответствие данному понятию. Ведь и в Америке слова «республиканский» и «демократический» совсем не соответствуют своему первоначальному значению, между тем каждый американец составляет себе при этом определении совершенно правильное представление; то же следует сказать и о вошедшем в употребление слове «нигилист». Или, например, слово «Аркадия» далеко уже не соответствует своему первоначальному значению, между тем всякий знает, что это излюбленное место вечернего rendez-vous* петербургской канцелярии, ее «вечернее присутствие».

Никто не станет отрицать, разве нарочно, что при определении «либеральное» рисуется нечто совершенно определенное. Болезнь эта имеет степени. Есть либерализм острый и либерализм тихий; болезнь распространяется вследствие усиленного сидения в кружках и кабинетах, отсутствия свежего воздуха, полного незнания России, петербургского геморроя и т.п. причин. Болезнь усложняется польско-жидовским катаром, развивающимся у иных от потребления кагальных субсидий. Острый оборот болезнь принимает,

* Встреча, свидание (фр.).

когда переходит на жидов, которые по своему юркому характеру тотчас из либерализма устраивают гешефт, делают рекламу и подписку... Руководительство же тихим либерализмом принял на себя один из шаблоннейших и бесцветнейших журналов в Европе это «Вестник Европы»¹, который как пустотелый кирпич падает неизбежно 1-го числа каждого месяца на голову подписчикам и которого рецепты унылы и шаблонны, как рецепты какой-нибудь поваренной книжки «подарка молодым хозяйкам».

Раскройте хоть последнюю книжку: если напечатана пошлая и бездарная повесть, то, наверное, только потому, что там в мрачном виде представляется невозможная и ужасная жизнь в России (и зачем только все живут в ней гг. Стасюлевиичи и Спасовичи², да еще наживаются состояния) или что там производится обыск у студента и т. д. Если напечатаны стихи, вполне безграмотные (безвкусице и отсутствие литературного чутья — изумительные), то только потому, что там есть «что-нибудь такое, знаете» ...

Ах, если б небеса и море были сини
 И более ничто! Желт — колос полевой,
 И розов — розы цвет! Ни злобы, ни кручин
 Причин бы не было... (??)

Но ведь за такую бессмысленную чепуху не только профессор Стасюлевиич, а я, какой-нибудь скромный учитель русского языка, должен был бы поставить единицу! Зачем же это помещено? А видите ли:

Земледелец сонный мне поля пахал
 И рабочий люд грязный и несчастный, начинал
 свой труд...

Во внутреннем обозрении всегда говорится с открытой ненавистью о Каткове³ и о гр. [Л. Н.] Толстом, со скрытой ненавистью (открытая теперь неудобна!), если говорить о замене графа Лорис-Меликова⁴ графом Игнатьевым*. Если говорится о переменах в уголовном законодательстве, то радуются «уменьшению наказаний за кражу со взломом»**, если говорится о последнем рассказе Н. Лескова⁵, то хвалят его именно за «злую сатиру на

* См. В[естник] Ев[ропы]. Кн. 7. С. 309.

** Там же. С. 328.

теорию И. С. Аксакова^{6*}. Если печатают английский роман, то, конечно, такой, в котором в омерзительном и порочном виде представлен священник, где говорится, что «Церковь вообще, кроме зла, на земле ничего не сделала», и где атеист, герой романа, выставлен в самом привлекательном свете. Если говорится о Польше, то непременно в смысле ее всяческого превосходства над Россией и необходимости уступок со стороны «победителя». Как видите, совершенно поваренная книжка! В небольшой статье «Детский вопрос» делается выдержка напр., из интересной книги француза Бертильона⁷, которая выясняет нам отчасти неестественные причины призрачного и прославляемого процветания экономического положения Франции. Он указывает на чрезвычайно малую рождаемость во Франции, классической стране «сбережений». Как только у француза есть клочок земли, лавка, как только он собственник и хозяин, — у него один или два ребенка, но *не больше*. Это, видите ли, *ущерб сбережениям*. «Во Франции семьи, — говорит Бертильон, — с *излишней расчетливостью* определяют число детей, которое могут они себе позволить» ... Почти невероятно, каким извращением природы человеческой теперь покупается *сбережение* и *процветание*... «Сумму, которую тратили бы на детей (1 376 000 000), француз прячет в сундуки или помещает в предприятиях». Вот удивительные основные причины малорождаемости во Франции, на мелких клочках которой сидят «буржуа» и берегут их: податься им некуда, и они предпочитают сидеть на клочках и *не рождать более двух детей*. Нечего сказать, естественное, завидное и достойное подражанию положение!

Но в своей книге Бертильон, француз-патриот, упомянул и о том, что уменьшаются *средства защиты* страны, и что для силы Франции представляется все меньше рук, — и Боже! — какое шаблонное негодование возбудил он в либеральном журнале!

«Такова высота идеалов Бертильона! Они были бы поистине ужасны, эти идеалы, если бы их сила и *свирепость* не усмирялись рядом других явлений (напр. изданием «Вестника Европы»). Возрастающее отвращение от войны, от милитаризма, развитие *демократических* начал (!!!) ослабляет влияние шовинистов и расчищает почву для развития *общественной солидарности* (читай «правовой порядок»)». С точки зрения тихого либераль-

* См. «Библ. Листок».

ного безумия «Вестника Европы» есть партия людей, которых идеал — кровь, война, разрушение... Война для войны! Нет, этот идеал — крепкое, сильное государство, обеспеченное от всяких на него посягательств и насилий внешних и внутренних, которое так же немислимо без известной силы, как и человек, ходящий на трех ногах, хотя было бы удобнее, может быть, ходить на трех, чем на двух. Ненависть к войне это так же глупо, как ненависть была бы, напр., к зиме. Мечтать о том времени, когда люди будут раскланиваться и решать международные вопросы посредством полемики в «Голосе» и «Вестнике Европы», конечно, можно, но не имеет ни малейшего смысла и применения.

Вообще смешная эта история. Скука начинает одолевать самых приверженных и терпеливых читателей этих журналов от их шаблонно-либеральной болтовни, подписка становится все меньше, а эти господа (как недавно прекратившееся просто по недостатку подписчиков «Земство»), все ноют: это-де оттого, что нет конституции, что нам того-то *не дозволяют* сказать, что будь это — тотчас бы все процвело и возросло... Эти унылые речи, эти удобные ссылки на какое-то «стеснение» при собственной ничтожности и неспособности — очень характеристичны... Совершенно ясно, что слово «либерализм» имеет вполне определенный образ, хотя самый нелепый, и можно бы взяться перечислить весь нехитрый катехизис нашего «либерализма», который по своей неслжности и соблазнительной простоте так доступен всякой самой нетвердой голове. Тут не нужно ни знания жизни, ни опыта, ни убеждений, ни таланта, ни практических знаний — это талисман, который дает возможность писать много людям, лишенным всего вышепоказанного. Оттого туда так много идут. К этому еще стоит возвратиться...

